

Какое было бы счастье
отказаться от себя так же,
как мы отказываемся от других.

Маркиза дю Деффан

1

Раствориться в толпе, разыграть эту причудливую драму так, чтобы никто ничего не заметил, никто ничего не запомнил.

Бег трусцой, соответствующая одежда, чтобы не привлечь внимания. Семь часов утра, Ривер-парк, одни бегуны. В городе, где каждая минута на счету, где нервы у каждого натянуты как канаты, приходится торопиться; здесь бегают, чтобы поддерживать форму, стереть следы вчерашних излишеств, не подпустить к себе стресс грядущего дня.

Скамейка; поставить ногу на сиденье, завязывать шнурок, пока цель приближается. Опущенный на лоб капюшон уменьшает обзор, зато скрывает лицо. Заодно отдышаться, справиться с дрожью в руках. Пот не в счет, он не привлекает внимания, не выдает — здесь все потные.

Когда он появится — пропустить его, немного подождать, затем продолжить неспешный бег. Сохранять дистанцию до наступления подходящего момента.

Вся сцена отрепетирована уже семь раз — утро за утром, в одно и то же время. И всякий раз огромный соблазн перейти к делу. Но успех зависит от хорошей подготовки. Права ошибиться нет.

Вот он, верный своей привычке: бежит по Чарльз-стрит. Пережидает красный сигнал светофора, чтобы пересечь первые четыре полосы на Вест-Сайд-хайвей. Машины тянутся в северную часть города, люди спешат на работу.

Он стоит на центральной разделительной полосе. Человечек на светофоре уже мигает. Машины движутся в сторону Трайбеки и Финансового квартала бампер к бамперу, тем не менее он пересекает мостовую. Как всегда, в ответ на гудки грозит кулаком, показывает средний палец, потом сворачивает влево и пускается бежать по пешеходной аллее вдоль Гудзона.

Смешавшись с другими бегунами, он минует свои двадцать кварталов, с наслаждением обгоняя тех, кто не в форме, и проклиная бегущих быстрее его. Пусть не зазнаются, они ведь на десять, а то и на все двадцать лет моложе. Когда ему было восемнадцать, в эту часть города мало кто заглядывал, но он был среди первых, кто уже тогда выбивался здесь из сил. Свайные доки, от которых теперь почти ничего не осталось, всплывающая кверху брюхом рыба, ржавчина... И запах крови. Как же изменился, помолодел, похорошел город

за двадцать лет! А у него эти годы оставили на лице заметные отметины.

На другой стороне реки гаснут в свете наступившего утра огни Хобокена, следом выключают электричество в Джерси-Сити.

Не терять его из виду; на пересечении с Гринвич-стрит он покинет пешеходную аллею. Необходимо действовать на опережение. Этим утром он не доберется до “Старбакс-Кофе”, где каждый раз заказывает мокачино.

У 4-го пирса его настигнет тень, незаметный, но неутомимый преследователь.

Еще квартал. Ускорить бег, смешаться с другими, всегда сбивающимися здесь в густую толпу: на сузившейся аллее самые медлительные мешают самым быстрым. Под рукав проскальзывает длинная игла, налитая решимостью рука твердо сжимает оружие.

Сухой удар между крестцом и нижним ребром, выдернуть иглу и ударить снова, проникнуть поглубже, чтобы продырявить почку и добраться до брюшной артерии. Извлеченное оружие оставит неоперабельные разрывы. Пока кто-то поймет, что произошло, пока подоспеет помощь, пока его доставят в больницу, а там в операционную, спасти его уже не удастся. Надо еще доехать до больницы в утренний час пик, когда даже самая оглушительная сирена не помогает: при таком плотном движении водителю “скорой” останется только проклинать свое бессилие.

Пару лет назад у него еще был бы какой-то шанс выжить. Но теперь, после закрытия госпиталя

Святого Винсента — не без вмешательства торговцев недвижимостью, — до ближайшего Центра экстренной помощи придется ехать на противоположную, восточную сторону Манхэттена. За это время он успеет истечь кровью.

Слишком сильные мучения ему не грозят, просто нарастающий озноб, постепенная утрата чувствительности в конечностях, зубы будут стучать так, что он не сумеет ничего сказать, — да и о чем говорить? О сильном уколе в спину? Ну и что? Что сможет заключить из этого полиция?

Безупречные преступления существуют: даже лучшие полицейские признаются вам под конец карьеры, что у каждого из них на совести тяжкий груз нераскрытых дел.

Вот он и достиг нужного места. Удар отработан несчетное число раз на мешке с песком, но проникновение иглы в человеческую плоть — это совершенно другое ощущение. Тут главное — не угодить в кость. Ткнешь в поясничный позвонок — потерпишь неудачу. Загнать иглу как можно глубже и тут же убрать ее обратно в рукав.

И бежать дальше в прежнем темпе, поборов желание оглянуться, сохранять анонимность, остаться невидимкой среди других бегунов.

Столько часов подготовки — ради нескольких решающих секунд!

Умирать он будет дольше, вероятно где-то полчаса, но все равно уже нынешним утром, примерно в 7.30, он отправится на тот свет.

Май 2011 года

Эндрю Стилмен — журналист “Нью-Йорк таймс”. В двадцать три года его приняли на должность со сдельной оплатой, и с тех пор он, ступенька за ступенькой, поднимался по профессиональной лестнице. Его юношеской мечтой было получить журналистское удостоверение одной из самых уважаемых в мире ежедневных газет. И вот теперь каждое утро, прежде чем пройти через двойные двери дома номер 860 по Восьмой авеню, Эндрю не отказывал себе в удовольствии задрать голову. Глядя на надпись на фасаде, он говорил себе, что его рабочее место — здесь, в святая святых прессы, где мечтают оказаться хотя бы разок, просто с экскурсией, тысячи бумагомарателей.

Четыре года он перекладывал бумажки, прежде чем заслужить должность заместителя редактора

отдела некрологов в “Хронике дня”. До него это место занимала женщина, угодившая при выходе с работы под автобус и, соответственно, в колонку, которую раньше сама и составляла. Бедняжка तोпилась домой, чтобы получить заказанный по интернету комплект нижнего белья. Как хрупка жизнь!

Следующие пять лет Эндрю Стилмен посвятил труду на условиях полной анонимности. Некрологи выходят без подписи — все внимание к самим усопшим! Целых пять лет он писал о людях, от которых остались одни воспоминания — о ком-то хорошие, о ком-то дурные. Тысяча восьмьсот двадцать пять дней и без малого шесть тысяч сухого мартини по вечерам, между 19.30 и 20.15, в баре отеля “Мариотт” на 40-й улице.

Эндрю всегда просил класть ему в коктейль по три оливки. Сплевывая косточки в наполненную окурками пепельницу, он гнал из памяти хроники угасших жизней, которые он сжато излагал весь рабочий день. Наверное, жизнь в обществе мертвецов и заставила Эндрю потянуться к бутылке. На четвертый год этой “некрологической службы” бармену “Мариотта” приходилось наливать постоянному клиенту уже по шесть порций, чтобы утолить его жажду. Эндрю часто приходил на работу серый, с набрякшими веками, в рубашке со съехавшим набок воротом и мятом пиджаке. Но дресс-код “костюм — галстук — крахмальная рубашка” уже перестал действовать в редакционных залах его газеты, тем более в его редакции.

То ли благодаря его изящному и точному перу, то ли по причине особенно жаркого лета его колонки вскоре разрослись на целых две страницы. Помешанный на статистике аналитик финансового отдела, готовивший квартальный отчет, обратил внимание на то, как увеличился спрос на газетную площадь в пересчете на одного покойника. Безутешные родственники оплачивали все больше строк, дабы засвидетельствовать глубину своей скорби. На крупных предприятиях о благоприятных цифрах быстро становится известно. В начале осени совет директоров, по достоинству оценив такие выдающиеся результаты, постановил вознаградить автора: он заслужил признание. Эндрию Стилмена назначили редактором другого раздела в той же “Хронике дня” — брачного, финансовые результаты которого выглядели плачевно.

Эндрию никогда не жаловался на недостаток свежих идей. Он временно перестал навещать свой излюбленный бар и зачастил в шикарные заведения, завсегдатаями которых были видные фигуры городского гомосексуального сообщества. Заводя знакомства за несчетными мартини, он без устали раздавал свои визитные карточки, втолковывая любому, кто соглашался его выслушать, что его рубрика охотно помещает любые объявления о супружеских союзах, включая такие, от которых другие газеты отказываются. Однополые браки в штате Нью-Йорк тогда еще не были легализованы, до этого было далеко, однако пресса свободно уведомляла о любых добровольных обменах

клятвами, совершаемых в частном порядке: достаточно было одного намерения сторон.

За следующие три месяца раздел “Хроника дня” в воскресных номерах газеты раздался до четырех полос, отчего зарплата Эндрю Стилмена претерпела существенные изменения.

Он решил сократить употребление спиртного, но не из заботы о своей печени, а потому что купил автомобиль “Датсун 240Z” — модель, о которой мечтал с детства. Полиция теперь проявляла нетерпимость к пьяным за рулем: либо пить, либо кататься! Эндрю, всей душой прикипевший к этой почтенной машине, безукоризненно восстановленной в мастерской его лучшего друга, специалиста по коллекционным автомобилям, сделал выбор в ее пользу. Отныне, заглядывая в бар “Мариотта”, он употреблял не больше двух коктейлей за вечер — всегда, кроме четверга.

Спустя несколько лет именно в четверг Эндрю, выходя из бара, столкнулся нос к носу с Вэлери Рэмси. Она набралась не меньше его и тоже не смогла побороть приступ неконтролируемого смеха, когда, зацепившись за газетный автомат, шлепнулась на спину посреди тротуара.

Эндрю тут же узнал Вэлери — не по внешности, которая за двадцать лет после их знакомства кардинально изменилась, а по смеху. От этого забываемого смеха, как и прежде, колыхалась ее грудь — а мысль о груди Вэлери Рэмси неотступно преследовала Эндрю всю юность.

Они познакомились в школе. Вэлери, выгнанная из группы “чирлидерш” — девушек в сексуальных костюмчиках цветов местной футбольной команды — за дурацкую ссору в раздевалке с девчонкой-задавакой, очутилась на фанатской трибуне. Эндрю спортом не занимался — он страдал атрофией коленных хрящей, которую прооперировал только через несколько лет, чтобы понравиться одной любительнице потанцевать, — однако с удовольствием упражнял голос на той же трибуне.

Их флирт продолжался до конца учебы. Настоящим сексом это не назовешь, но рукам и языкам они многое позволяли, в своих развлечениях отдавая должное пышным формам Вэлери.

Именно ей он был обязан своим первым самостоятельным оргазмом, пусть и достигнутым вручную. Как-то раз после очередного матча наши два голубка проворковали в раздевалке дольше обычного, что привело к согласию Вэлери запустить руку в джинсы к Эндрю. Пятнадцать секунд головокружения и смех Вэлери, чья волнующаяся грудь усилила его мимолетное удовольствие. А первый раз не забывается.

— Вэлери?.. — пролепетал Стилмен.

— Бен?.. — удивилась не меньше, чем он, Вэлери.

В старших классах у него почему-то было такое прозвище — Бен. Вот уже двадцать лет его так не называли.

В оправдание своего жалкого состояния Вэлери что-то наплела про встречу с подружками, такую

бурную, каких у нее не бывало с университета. Эндрю выглядел ничуть не лучше: он получил повышение, объяснил он, не уточнив, что случилось это два года назад, — какая разница, когда праздновать приятные события?

— Какими судьбами в Нью-Йорке? — спросил Эндрю у Вэлери.

— Я здесь живу, — услышал он в ответ, помогая ей подняться.

— Давно?

— С некоторых пор. Не спрашивай с каких, мне сейчас не до арифметики. Ты-то как?

— Я стал тем, кем всегда хотел стать. А ты?

— Двадцать лет жизни — долгая история, знаешь ли, — ответила ему Вэлери, отряхивая юбку.

— Девять строк, — сказал Эндрю со вздохом.

— Какие девять строк?

— Можешь мне поверить, я умещу двадцать лет любой жизни в девять строк.

— Не верю.

— Спорим?

— На что?

— На ужин.

— У меня есть мужчина, Эндрю, — предостерегла его Вэлери.

— Я же не предлагаю тебе ночь в отеле. Просто суп с клецками в “Шанхайском Джо”. Ты не разлюбила клецки?

— Обожаю!

— А другу скажешь, что я — бывшая одноклассница.

— Сначала попробуй засунуть в девять строчек мои последние двадцать лет.

Вэлери смотрела на Эндрю, улыбаясь одним уголком губ, как в те времена, когда она манила его, тогда еще Бена, в кусты за школьным корпусом. У нее была все та же неотразимая улыбка.

— Идет, — сказала она, — давай еще по рюмочке. Сейчас я обрушу на тебя свою жизнь!

— Только не в этом баре, здесь слишком шумно.

— Слушай, Бен, если ты надеешься затащить меня сегодня к себе, то не на ту попал.

— У меня этого и в мыслях не было, Вэлери, просто мы с тобой так набрались, что недурно бы закутить. А иначе напрасно мы заключали пари.

Эндрю был прав. Хотя туфли Вэлери, которую он поднял и поставил на тротуар, впивались острыми каблучками в грязный асфальт, ее качало, как на палубе корабля. Предложение закусить пришлось ей по вкусу. Эндрю свистнул, подзывая такси, и назвал водителю адрес ночного ресторанчика в Сохо, куда он часто навещался. Через пятнадцать минут они с Вэлери уже сидели за столиком друг против друга.

Сначала она стала стипендиаткой университета в Индианаполисе: из тех, в которые она разослала свои результаты, он первым сообщил, что она принята. Она не мечтала о Среднем Западе в юности, но ждать предложений от более престижных учебных заведений не стала: без стипендии ей была бы прямая дорога в официантки в Покипси — дыре на севере штата Нью-Йорк, где они оба выросли.

Прошло восемь лет, и Вэлери с дипломом ветеринара в кармане покинула Индиану, чтобы, подобно многим целеустремленным девушкам, поселиться на Манхэттене.

— Ты все эти годы проучилась на факультете ветеринарии в Индиане, чтобы осесть в Нью-Йорке?

— Почему бы и нет? — удивилась Вэлери.

— Это была твоя мечта — лазить в задницы к пуделям?

— Ты болван, Эндрю!

— Не хотел тебя обидеть, но, согласишься, на Манхэттене зверья не так-то много. За вычетом бабушек с собачками из Верхнего Вест-Сайда, что за клиентура у тебя остается?

— В городе, где два миллиона холостяков и незамужних, многие держат животных-компаньонов.

— Понятно. Значит, ты еще лечишь хомячков, котиков и золотых рыбок.

— Я — штатный ветеринар конной полиции. Мои пациенты — лошади, а также собаки бригады кинологов, где пуделей в помине нет. Только лабрадоры для поиска трупов, несколько немецких овчарок в предпенсионном возрасте, ретриверы, натасканные на наркотики, и бигли — эти специализируются на взрывчатке.

Эндрю удивленно смотрел на нее, поднимая попеременно то одну, то другую бровь. Этому фокусу он научился, осваивая журналистское ремесло. Верный способ смутить собеседника! Когда

Эндрю сомневался в искренности интервьюируемого, то устраивал это представление и по реакции “клиента” определял, врет тот или нет. Но лицо Вэлери осталось непроницаемым.

— Если честно, — протянул он, — такого я не ожидал. Ты сотрудница полиции или просто ветеринар? Может, у тебя за пазухой удостоверение копа и “пушка”?

Вэлери внимательно на него посмотрела и расхохоталась.

— Как я погляжу, после нашей последней встречи ты здорово возмужал! Хотя, если приглядеться, так и остался прежним Беном.

— В общем, ничего удивительного, что ты стала ветеринаром, — произнес Эндрю ей в тон. — Ты всегда была без ума от зверушек. Помню, звонишь мне однажды и просишь прийти как можно скорее. Я вообразил, что тебя охватило острое желание, но где там: ты заставила меня тащить в клинику старого зловонного кобеля со сломанной лапой, которого подобрала на улице по дороге из школы. Пришлось будить среди ночи ветеринара.

— Ты это помнишь, Эндрю Стилмен?

— Я помню все, что у нас с тобой было, Вэлери Рэмси. Ну-ка, выкладывай, что произошло между тем полуднем, когда я не дождался тебя у кинотеатра у нас в Покипси, и тем вечером, когда ты объявилась опять?

— С утренней почтой пришло письмо о том, что меня приняли в университет в Индианаполисе,

и я не могла ждать ни одного дня. Я собрала чемодан, взяла деньги, которые скопила, работая летом и сидя с чужими детьми, и в тот же вечер удрала из Покипси. Как же я радовалась, что мне не придется больше слушать, как ссорятся родители! Представляешь, им даже в голову не пришло проводить меня на автовокзал... Ты пообещал бывшей однокласснице всего девять строчек, поэтому избавлю тебя от подробностей моей университетской жизни. В Нью-Йорке я подрабатывала в разных ветеринарных клиниках. Потом ответила на объявление полиции. Сначала довольствовалась должностью ассистентки, но вот уже два года числюсь в штате.

Эндрю попросил проходившую мимо официантку принести два кофе.

— Как же здорово, что ты служишь ветеринаром в полиции! Я накропал кучу некрологов и свадебных объявлений — тебе столько и не вообразить, но с людьми твоей профессии еще не сталкивался. Для меня новость, что она вообще существует!

— Существует, не сомневайся.

— Между прочим, я был на тебя страшно зол.

— За что?

— За то, что сбежала, даже не попрощавшись.

— Ты был единственным, кого я предупредила, как сумела, что уезжаю.

— Я не понял, что это было предупреждение. Только теперь, когда ты все рассказала, до меня дошло.

— Ты до сих пор злишься? — насмешливо спросила Вэлери.

— Надо бы, наверное, но за давностью лет, как говорится...

— А ты что, действительно стал журналистом?

— Откуда ты знаешь?

— Я тебя спросила, чем ты занимаешься, а ты ответил: “Я стал тем, кем всегда хотел стать”. Ты же хотел быть журналистом!

— Ты это помнишь, Вэлери Рэмси?

— Я все помню, Эндрю Стилмен.

— Говоришь, у тебя кто-то есть?

— Уже поздно. — Вэлери вздохнула. — Мне пора. Я и так столько наболтала, что ты ни за что не втиснешь все это в девять строчек.

Эндрю хитро улыбнулся:

— Иначе говоря, ты согласна поужинать со мной в “Шанхайском Джо”?

— Если выиграешь пари. Я держу слово.

Они молча дошли по безлюдным улицам Сохо до Шестой авеню. На перекрестках Эндрю брал Вэлери под руку, чтобы она не споткнулась на щербатой мостовой этого старого района.

Потом он подозвал такси, ехавшее по авеню в северном направлении, и придержал дверцу, чтобы Вэлери устроилась на заднем сиденье.

— Встреча с тобой — не случайность, а чудо, Вэлери Рэмси.

— Для меня тоже, Бен.

— Куда отправить тебе мое сочинение в девяти строках?

Вэлери порылась в сумочке, нашла карандаш для глаз и потребовала, чтобы Эндрю подставил ладонь — написать телефонный номер.